

А.К. Атабаева*, PhD, ассистент профессора

Т.П. Притворова, д.э.н., профессор

Карагандинский университет

имени Академика Е.А. Букетова

г. Караганда, Казахстан

* – основной автор (автор для корреспонденции)

e-mail: atabaeva@list.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ОБУСЛОВЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследован региональный профиль обусловленной денежной помощи, как активного компонента адресной социальной помощи (далее АСП). Целью статьи являлась оценка трансформации регионального профиля социальной группы получателей обусловленной денежной помощи (далее ОДП) в среднесрочном периоде для разработки предложений по повышению социального эффекта программы с учетом региональных особенностей. Методология представлена кластерным анализом и экономико-статистическими оценками структуры и динамики. Результаты исследования представлены региональными профилями Карагандинской области на основе параметров семьи - получателя обусловленной денежной помощи. Изменения параметров семьи, получающей ОДП, за период с 2019 по 2022 год оценены как разнонаправленные, к положительным можно отнести увеличение вероятности присутствия детей на 3%. Отрицательными являются увеличение доли безработных и сохранение значительной доли занятых с невысоким доходом 56%. Регионы Карагандинской области стали менее поляризованными по характеристикам получателей ОДП в рамках АСП. Если в 2019 году были субкластеры, в которых удельные демографические и организационно-управленческие характеристики на семью были зеркальными относительно средних значений по области, то в 2022 году это явление трансформировалось. По демографическим и социальным характеристикам четкое различие сохранено (т.е. границы кластеров выделены по среднему размеру семьи, многодетным семьям и др.), а по экономическим и организационно-управленческим характеристикам у каждого субкластера свой профиль. В 2022 году для кластера с невысокой иждивенческой нагрузкой и высокой долей лиц, имеющих работу с низким уровнем оплаты труда, целесообразно делать акцент на переподготовке и повышении квалификации с целью повышения среднего дохода семьи. Для второго кластера с высокой иждивенческой нагрузкой целесообразна замена пособия на субсидируемую услугу детского учреждения. Это может несколько увеличить объемы выплат из бюджета, но зато является мерой инклюзива и выравнивания жизненных возможностей для детей.

Ключевые слова: адресная социальная помощь, обусловленная денежная помощь, регион, агломерация, социальный портрет семьи, кластерный анализ, социально-демографические факторы, организационно-экономические факторы, Казахстан.

Кілт сөздер: атаулы әлеуметтік көмек, шартты ақшалай көмек, аймақ, агломерация, отбасының әлеуметтік портреті, кластерлік талдау, әлеуметтік-демографиялық факторлар, ұйымдық-экономикалық факторлар, Қазақстан.

Keywords: targeted social assistance, conditional cash assistance, region, agglomeration, social portrait of a family, cluster analysis, socio-demographic factors, organizational and economic factors, Kazakhstan.

JEL classification: I32; J17

Введение. Применение в практике государственного управления методологии управления по результатам предполагает постоянный поиск способов повышения социального эффекта адресной помощи, который выражается в устойчивом выходе из программы и обретении трудовых источников дохода.

Международные организации постоянно проводят оценку таких программ по всему миру и предлагают как методы идентификации состояния бедности, так и формы поддержки бедных граждан из бюджета [1].

В рамках странового опыта применяется множество механизмов, активизирующихся в отношении претендента на социальную помощь на принципах дополнения или взаимоисключения. Подобно различиям между странами, внутри каждой страны могут быть столь значимые диспропорции между регионами, которые целесообразно учитывать при распределении бюджетных средств.

В Казахстане нормативно-правовая база адресной социальной помощи (далее АСП) разделяет два её вида:

- безусловную денежную помощь (оказывается тем, кто не может выйти на рынок труда по объективным, документально подтвержденным критериям);

- обусловленную денежную помощь (далее ОДП), которая выплачивается семьям, имеющим в своем составе трудоспособных лиц, которые обязаны участвовать в мерах содействия занятости [2].

Социальная политика борьбы с бедностью в Казахстане делает акцент на максимальной вовлеченности граждан, получающих ОДП, в активные формы занятости.

Целью статьи является оценка трансформации регионального профиля социальной группы получателей обусловленной денежной помощи в среднесрочном периоде для разработки предложений по повышению социального эффекта программы с учетом региональных особенностей.

Методология представлена кластерным анализом и экономико-статистическими оценками структуры и динамики.

Новизна нашего исследования заключается в применении кластерного подхода для группировки территориальных единиц региона по сходству социально-демографических и организационно-экономических факторов, что дает понимание региональных особенностей в предпосылках попадания граждан в программу адресной социальной помощи и соответственно приоритетных мер по выводу их из числа участников программы.

Обзор литературы. Ключевые социальные вопросы отражены в публикациях многих ученых, которые исследуют предпосылки и меры поддержки адресной социальной помощи с учетом региональных особенностей. Хулме Д., Ханлон Й., Барриентос А., Насри К. в своих трудах освещают проблемы адресной социальной помощи в региональном аспекте, а также поиск способов повышения социального эффекта адресной помощи [3, 4].

Гибсон Й., Коч-Щесер М., Гутгенхейм С. отмечают, что региональные особенности адресной социальной помощи имеют важное значение в контексте социальной политики и борьбы с социальным неравенством [5, 6].

Цласен Й., Цлегг Д рассматривают локальные инициативы и меры поддержки, направленные на сокращение региональных неравенств в адресной социальной помощи. Авторы анализируют опыт зарубежных стран, чтобы выявить эффективные практики и подходы [7].

Йиндра Ц., Ваз А. предлагают различные пути решения социальных проблем, которые включают: региональные планы развития, повышение доступности социальных услуг и ресурсов в менее развитых регионах, стимулирование экономического развития и создание рабочих мест в малообеспеченных регионах, а также укрепление межрегионального сотрудничества и обмена опытом [8].

Атабаева А.К., Притворова Т.П., Петренко Е.С. выделяют важную роль государственных и местных органов власти в поддержке региональных особенностей адресной социальной помощи [9]. Они должны разрабатывать политики и программы, которые учитывают региональные потребности и проблемы, обеспечивать адекватное финансирование и ресурсы, координировать действия разных заинтересованных сторон и мониторить эффективность мер поддержки на региональном уровне.

Основная часть. Трансформация социального портрета семьи, получающей ОДП, за период с 2019 по 2022 год представлена в таблице 1.

Таблица 1

Изменение параметров социального портрета семьи, получающей ОДП в Карагандинской области*

№	Категории	2019		2022		Структурные сдвиги 2022/2020	
		Абсолютная величина	%	Абсолютная величина	%	Абсолютная величина	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Численность средней семьи	4,6	100	4,8	100	0,2	-
2	Дети до 18 лет	2,6	57	2,8	60	0,2	3
3	Слушатели дневных форм обучения (кроме докторантуры),	0,3	6,5	0,3	6,4	0	-0,1
4	Трудоспособные граждане, из них:	1,7	36,9 Из 100	1,6	33,6 Из 100	-0,1	-3,3

1	2	3	4	5	6	7	8
	- безработные	0,2	11,7	0,2	12,5	0	0,8
	- имеющие работу	1,0	58,8	0,9	56,3	-0,1	-2,5
	- лица, занятые уходом за детьми, инвалидами, престарелыми	0,5	29,4	0,4	31,3	-0,1	1,9
5	Привлеченные на активные формы занятости, в том числе	0,17	3,7	0,3	8,3	0,13	4,6
	- трудоустроены на постоянные рабочие места	0,13		0,2		0,07	
	- трудоустроены на общественные работы	0,04		0,1		0,06	

* Составлена авторами на основе данных УКЗиСП Карагандинской области

Изменения параметров семьи, получающей ОДП, за период с 2019 по 2022 год в целом можно оценить как позитивные.

Если рассмотреть среднюю семью, то вероятность того, что в ней окажутся дети повысилась с 57% до 60%. Вероятность присутствия в составе семьи слушателя дневных форм обучения (кроме докторантуры) практически не изменилась: уменьшилась с 6,5% до 6,4%.

Вероятность присутствия трудоспособных граждан уменьшилась на 3,3% и составила в 2022 году 33,6%. Из них 56,3% имеют работу (структурный сдвиг отрицательный - 2,5%) и 12,5% составляют безработные, доля которых увеличилась на 0,8%. Увеличилась доля лиц, занятых уходом за детьми, инвалидами, престарелыми на 1,9%.

Улучшились показатели привлечения к активным формам занятости: если в 2019 году только один человек из 5 семей был вовлечен в процесс сокращения расстояния до рынка труда, то в 2022 году уже один человек из трех семей.

Оценка динамики социального портрета подводит к выводу о том, что задачей поддержки в ближайшее время будет выявление в каждом конкретном случае возможностей повышения квалификации или другой профессии для граждан, которые уже имеют работу на момент обращения за ОДП. Численность этой группы значительна и несмотря на некоторое сокращение все ещё составляет более половины трудоспособных граждан, получающих ОДП. При этом масштабы привлечения к активным формам занятости в информационной базе можно проследить только по самому общему показателю, который хоть и увеличился, но, по сути, остается несопоставимо мал для решения задачи повышения уровня заработков для этой группы.

Необходимо отметить, что в 2020 году были введены изменения в Правила исчисления совокупного дохода лица (семьи), претендующего на получение АСП, которые в настоящее время закреплены в Социальном кодексе РК и его подзаконных актах, которые по содержанию соответствуют Правилам, введенным в 2020 году. [10, 11].

Незначительный период времени функционирования системы при новых правилах не позволяет сделать однозначные выводы об их влиянии на структуру получателей, поскольку, например, лица, занятые уходом представлены как единая группа без разделения подгрупп, концентрирующихся на детях или престарелых.

Для анализа и оценки параметров группы получателей ОДП в региональном разрезе, нами предпринят кластерный анализ данных, содержащихся в информационной системе.

Результаты кластерного анализа.

Кластерный анализ для регионов Карагандинской области по параметрам адресной социальной помощи проведен нами за 2019 и 2022 годы, т.к. данные за 2018 год собирались по другой методике.

Атрибуты граждан, получивших право на обусловленную денежную помощь, как активного элемента адресной социальной помощи, согласно официальной информационной базе данных целесообразно определить на 1 семью.

Совокупность характеристик группы получателей, на наш взгляд, может быть разделена на:

- демографические;
- экономические, обусловленные состоянием экономики региона;
- организационно-управленческие, характеризующие деятельность служб занятости.

К демографическим признакам отнесены атрибуты, рассчитанные как удельные показатели на 1 семью ОДП:

- средний размер семьи;
- количество многодетных семей (параметр появился в базе 2022 года);
- количество трудоспособных лиц;
- количество лиц, занятых уходом за другими членами семьи (дети, инвалиды, престарелые).

Нами было проведено сравнение результатов кластерного анализа за 2019 и 2022 годы.

Применение метода кластерного анализа к данным 2019 года позволило выявить два кластера. (Рисунок 1)

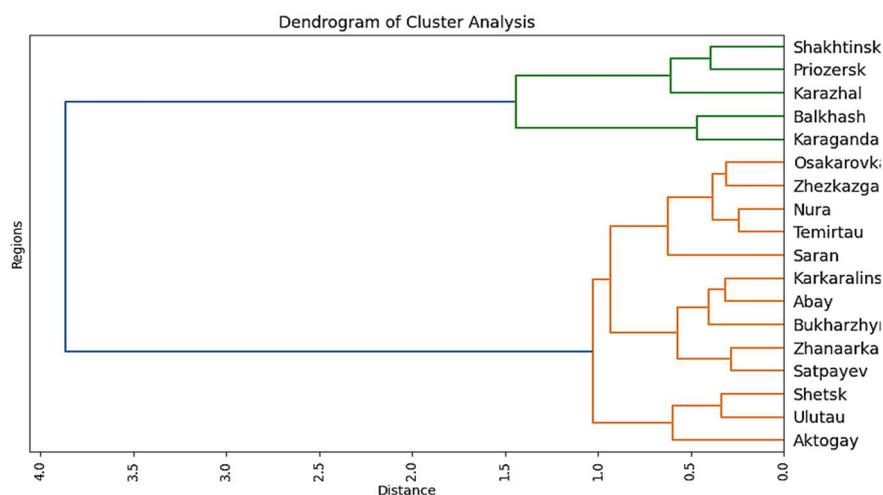

Рисунок 1. Дендрограмма регионов Карагандинской области на основе удельных показателей для семьи за 2019 год*

* Составлен авторами

Внутри второго кластера можно отметить значительные различия между тремя субкластерами, каждый из которых имеет характерные признаки, представленные нами как оценки отклонения средних значений по каждому кластеру от средней по области (Таблица 2).

Таблица 2

Соотношение средних значений показателей по кластерам/субкластерам со средним значением по области, 2019*

Кластеры	Субкластеры	Территориальные единицы	Средний размер семьи	Количество трудоспособных	Лица по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми	Количество безработных	Количество лиц, имеющих работу на одну семью	Лица, привлеченные на активные формы занятости	Трудоустройство лиц на постоянные рабочие места	Трудоустройство лиц на общественные работы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1 кластер	1.1	Караганда Балхаш Шахтинск Каражал Приозерск	3,82	1,65	0,53	0,19	0,11	0,10	0,17	1,01
2 кластер	2.1	Темиртау Сарань Жезказган Нулинский и Осакаровский р-ны	4,73	1,71	0,49	0,16	0,13	0,09	0,09	1,13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	2.2	Сағпаев Абайский, Бухар- жырауский, Жанааркинский, Каркаралинский районы	5,04	1,73	0,55	0,11	0,10	0,06	0,14	1,12
	2.3	Актогайский, Улытауский, Шетский	4,92	1,78	0,55	0,24	0,20	0,27	0,37	0,92
Среднее значение по области			4,59	1,70	0,53	0,17	0,13	0,11	0,17	1,06

* Составлена авторами

- Голубой цвет фона – среднее значение показателя по кластеру/субкластеру ниже среднего по области, красный фон – выше среднего по области

- Курсивом выделены значения равные средним значениям по области

Для 2019 года характерны значительные различия между группами административно-территориальных единиц, выделенных в результате применения кластерного анализа.

Кластер 1.1 и субкластер 2.3 представляют полярные позиции по всем 8 характеристикам, из которых три отнесены нами к демографическому блоку (графы 4,5,6), а пять к экономическому и организационно-управленческому блоку (графы 7,8,9,10,11).

В кластере 1.1 два демографических показателя имеют значения ниже средних по области, а один (лица по уходу за детьми, инвалидами и престарелыми) равен среднему значению по области. Среди показателей организационно-экономического блока наблюдается аналогичная картина, все показатели активных мер вовлечения в рынок ниже среднеобластных. Исключение представляет показатель количества безработных на одну семью, который выше, чем в среднем по области, что на самом деле имеет отрицательную коннотацию. Поскольку в таблице 2 нами использованы цветовые характеристики зон, то визуально различия в показателях между кластером 1.1 и субкластером 2.3 очевидны.

Субкластер 2.3 по всем показателям имеет значения выше среднего по области, за исключением показателя «трудоустройство на общественные работы», что для сельской местности является объективно обусловленным показателем. Тем более, что данные районы представляют точечно-очаговый тип расселения, для которого характерны значительные расстояния между небольшими населенными пунктами и удаленность от агломерационных зон.

Внутри кластера 2 при оценке отклонения от среднего значений показателей по таблице 1 визуально субкластер 2.1 ближе к кластеру 1, так как отличается по двум показателям: демографическому (среднее число членов семьи) и организационно-управленческому (трудоустройство на общественные работы). Кроме города Жезказган, все административно-территориальные единицы в этом кластере географически принадлежат Карагандинской городской агломерации. Но поскольку в основу кластерообразования положен демографический показатель среднего размера семьи и данная группа демонстрирует значение показателя выше среднего, и в то же время расстояние до других единиц наблюдения в кластере 2 у нее меньше, то и отнесена она к этому кластеру.

Сравнение субкластеров 2.2 и 2.3 позволяет сделать вывод о сходстве демографических характеристик единиц наблюдения. Отличия наблюдаются в количестве безработных, количестве имеющих работу на момент подачи заявления и активных мерах содействия занятости на одну семью, которые для группы 2.2 менее среднего значения по области, за исключением трудоустройства на общественные работы.

В целом для 2019 года характерны две особенности:

- крайняя поляризация между некоторыми региональными субкластерами, которые в нашем случае представлены городскими населенными пунктами и сельскими районами;
- приоритетом демографического показателя среднего размера семьи и количества трудоспособных её членов при кластерообразовании, поскольку только по этим двум показателям наблюдается четкая граница между двумя кластерами, которая и определяет их разделение.

В 2022 году в информационную базу программы был добавлен показатель «многодетные семьи», как один из значимых для политики в области снижения бедности.

Расширение спектра показателей демографического блока и изменение условий выплаты адресной социальной помощи, а точнее правил расчета совокупного среднедушевого дохода

домохозяйства в 2020, привели к изменению структуры получателей адресной социальной помощи и распределению территориальных единиц в кластерные группы. Вносят свой вклад в изменение состава получателей адресной социальной помощи миграционные процессы.

На стороне государства совершенствуется система содействия трудоустройству граждан трудоспособного возраста, которым предоставляется обусловленная адресная помощь в связке с участием в активных программах содействия занятости.

Кластерный анализ на основе удельных показателей для семьи за 2022 год представлен на рисунке 2.

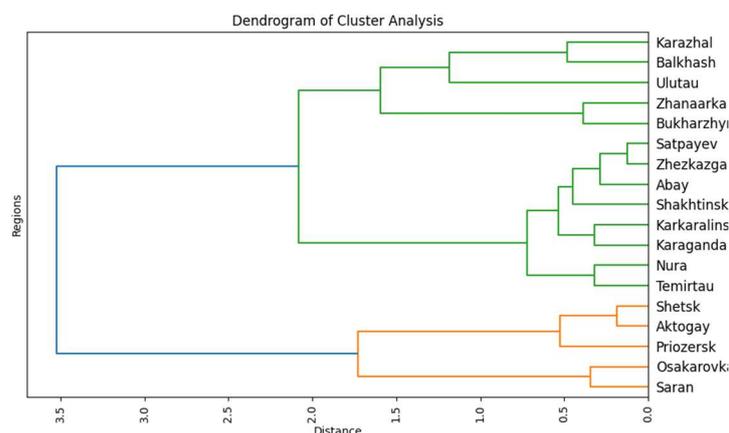

Рисунок 2. Дендрограмма регионов Карагандинской области на основе удельных показателей для семьи за 2022 год*

* Составлен авторами

Выделены два кластера, каждый из которых представлен двумя субкластерами.

Сравнение с 2019 годом позволяет сделать вывод, что картина распределения административно-территориальных единиц по кластерным группам стала менее поляризированной.

Даже кардинально отличающиеся друг от друга по демографическому блоку субкластеры 1.1 и 2.2 (графы 4,5,6,7) по показателям экономического и организационно-управленческого блока содержат разные характеристики. Количество безработных в обоих этих субкластерах меньше среднего, при этом количество работающих на одну семью выше среднего по области. В то же время, по показателям экономического и организационно-управленческого характера субкластер Сарань и Осакаровский район имеют характеристики выше среднего, а в субкластере 2.2 наблюдается уровень ниже среднего (таблица 3).

Таблица 3

Соотношение средних значений показателей по субкластерам со средним значением по области, 2022*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кластеры	Субкластеры	Территориальные единицы	Лица по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми	Средний размер семьи	Количество многодетных семей	Количество трудоспособных	Количество безработных	Количество лиц, имеющих работу на одну семью	Лица, привлеченные на активные формы занятости	Трудоустройство лиц на постоянные рабочие места	Трудоустройство лиц на общественные работы
1	Субкластер 1.1	Сарань Осакаровский район									

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
т е р	Субкластер 1.2	Шетский, Актогайский районы, Приозерск									
2 К л а с т е р	Субкластер 2.1	Балхаш, Каражал Районы Улытау, Жанаарка, Бухар- Жырауский									
	Субкластер 2.2	Сатпаев, Жезказган Абай, Шахтинск Караганда, Темиртау, Каркаралинский и Нуринский районы									

* Составлена авторами

- Голубой цвет – среднее значение показателя по субкластеру ниже среднего значения по области, красный – выше среднего значения по области

Главное отличие 1 и 2 кластера состоит в различиях по демографическому блоку показателей (у первого они в основном ниже среднего, у второго в основном выше).

Что касается блока экономических и организационно-управленческих показателей, то в первом кластере из 10 значений (графы 8-12) только одно ниже среднего по области. Это показатель «количество безработных на одну семью» в субкластере 1.1. Во втором кластере из 10 показателей 7 показателей имеют значение ниже среднего по области.

Субкластер 2.2 в таблице 3 объединяет все города Карагандинской агломерации (кроме Сарани) и Нуринский район, а также Жезказган и Сатпаев. Это говорит о том, что показатели ОДП в программе АСП в этих территориальных единицах имеют больше сходства, чем отличия. В этом кластере демографические характеристики выше среднего значения по области по соответствующему признаку.

В субкластере 2.1 нами выделен сегмент городов (Балхаш, Каражал), которые представляют собой точечно-очаговый тип расселения населения, в котором городская местность сочетается с обширными незаселенными пространствами. Эти города удалены как от Карагандинской, так и от двуединого городского образования Жезказган-Сатпаев. Географически они представляют единую зону расселения с Жана-аркинским и Улытауским районами. За исключением среднего размера семьи, который в городе чаще всего меньше, все остальные показатели у элементов субкластера находятся в одной зоне.

Обсуждение. Мы согласны с Барриентос А., что различные регионы внутри одной страны или между разными странами могут иметь свои уникальные характеристики, которые требуют специфических подходов и мер поддержки в сфере адресной социальной помощи [12].

Региональное неравенство может быть вызвано различиями в экономическом развитии и возможностями для людей в разных регионах. Счотте С., Зиззамия Р., Леиббрандт М. подчеркивают, что адресная социальная помощь направлена на снижение этого неравенства, предоставляя дополнительные ресурсы и поддержку наиболее уязвимым и нуждающимся группам населения в различных регионах [13].

Лустиг Н., Томмаси М. обсуждают вызовы и стратегии для преодоления региональных неравенств в адресной социальной помощи. Авторы рассматривают различные модели и подходы, которые могут быть эффективными в адаптации социальной помощи к региональным особенностям [14].

Мы солидарны с Мацкетт О. в том, что важным аспектом является адаптация мер поддержки к региональным особенностям. Это может включать разработку специальных программ, финансирование проектов и инициатив, учет разных уровней цен и стоимости жизни в разных регионах, а также предоставление специфической информации и ресурсов в соответствии с потребностями и возможностями каждого региона [15].

Заключение. Сравнительный анализ социальных групп получателей обусловленной социальной помощи в 2019 и 2022 годах позволил выявить следующие особенности.

Регионы Карагандинской области стали менее поляризованными по характеристикам получателей ОДП в рамках АСП. Если в 2019 году были субкластеры, в которых удельные демографические и организационно-управленческие характеристики на семью были зеркальными относительно средних значений по области, то в 2022 году это явление трансформировалось. Если по демографическим и социальным характеристикам четкое различие сохранилось (т.е. границы кластеров выделяются по среднему размеру семьи, многодетным семьям и др.), то по экономическими и организационно-управленческими характеристикам у каждого субкластера свой профиль.

В 2022 году для первого кластера с невысокой иждивенческой нагрузкой и высокой долей лиц, имеющих работу с низким уровнем оплаты труда, целесообразно делать акцент на переподготовке и повышении квалификации с целью повышения среднего дохода семьи. Для лиц, занятых уходом, можно предлагать услуги частичной или дистанционной занятости, чтобы повысить уровень дохода домохозяйства. В то же время, для лиц, занятых уходом, целесообразно разработать методику, согласно которой пособие по уходу за инвалидами, детьми с инвалидностью, престарелыми, будет определяться на основе оценки реальных трудозатрат. В этом случае часть граждан выйдет из числа получателей АСП, а для части будет предложена частичная занятость.

Для второго кластера характерна высокая иждивенческая нагрузка, но и количество трудоспособных лиц на семью выше среднего по области. В субкластере 2.1 наблюдается высокий удельный показатель привлечения на общественные работы, что объясняется экономическими условиями среды. Одновременно с существенной иждивенческой нагрузкой и многодетностью, это актуализирует замену пособия на субсидируемую услугу детского учреждения. Это может несколько увеличить объемы выплат из бюджета, но зато является мерой инклюзива и выравнивания жизненных возможностей для детей.

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (Грант №. BR18574225)

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство по измерению бедности [Электронный ресурс] / Европейская экономическая комиссия ООН. – Женева, 2017. – 211 с. – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECESTAT20174_ru.pdf.
2. Закон Республики Казахстан от 17 июля 2001 года № 246-III «О государственной адресной социальной помощи» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023553&pos=3;-88#pos=3;-88.
3. Hulme D., Hanlon J., Barrientos A. Social Protection, Marginality, and Extreme Poverty: Just Give Money to the Poor? // Marginality: Addressing the nexus of poverty, exclusion and ecology. – 2014. – 388 p.
4. Nasri K. Poverty-alleviation programs in Tunisia: selection processes and targeting performance indicators at the regional level // International Journal of Social Economics. – 2022. – Vol. 49(4). – P. 629-650.
5. Gibson J. Poverty Measurement: We Know Less than Policy Makers Realize // Asia & the Pacific Policy Studies. – 2016. – Vol. 3(3). – P. 430-442.
6. Koch-Weser M., Guggenheim S. Social Analysis in Project Lending: Writing New Rules and Changing Old Practices // Social Development in the World Bank. – Springer, 2021. – 374 p. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57426-0_8.
7. Clasen J., Clegg D. European labour markets and social policy: recent research and future directions // Social policy in changing European societies. – 2022. – P. 187-201.
8. Jindra C., Vaz A. Good governance and multidimensional poverty: A comparative analysis of 71 countries // Governance. – 2019. – Vol. 32(4). – P. 657-675.
9. Atabayeva A.K., Pritvorova T.P., Petrenko Y.S. Parental employment in families with disabilities: Assessment, factors, solutions // Bulletin of the Karaganda university. – 2021. – Vol. 4(104). – P. 62-73.
10. Социальный Кодекс РК от 20 апреля 2023 года № 224-VII // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224>.
11. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Об утверждении Правил исчисления совокупного дохода лица (семьи), претендующего на получение государственной адресной социальной помощи: утв. 26 мая 2023 года, № 181 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37238354&pos=157;-25#pos=157;-25.

12. Barrientos A. The future of social assistance in developing countries // *Social Assistance in Developing Countries*. – 2013. – Vol. 2(3). – P. 201-223.
13. Schotte S., Zizzamia R., Leibbrandt M. A poverty dynamics approach to social stratification: The South African case // *World Development: the Multi-Disciplinary International Journal Devoted to the Study and Promotion of World Development*. – 2018. – № 110. – P. 88-103.
14. Lustig N., Tommasi M. COVID-19 and social protection of poor and vulnerable groups in Latin America: a conceptual framework // *CEPAL Review*. – 2020. – № 132. – P. 259-270.
15. Mackett O. Social Grants as a Tool for Poverty Reduction in South Africa? A Longitudinal Analysis Using the NIDS Survey // *African Studies Quarterly*. – 2020. – Vol. 19(1). – P. 41-64.

REFERENCES

1. Rukovodstvo po izmereniju bednosti [Guide to Poverty Measurement] [Elektronny resurs] / Evropeiskaja ekonomicheskaja komissija OON. – Zheneva, 2017. – 211 s. – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf [in Russian].
2. Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 ijulja 2001 goda № 246-II «O gosudarstvennoj adresnoj social'noj pomoshhi» [Law of the Republic of Kazakhstan dated July 17, 2001 No. 246-II «On state targeted social assistance»] // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023553&pos=3;-88#pos=3;-88 [in Russian].
3. Hulme D., Hanlon J., Barrientos A. Social Protection, Marginality, and Extreme Poverty: Just Give Money to the Poor? // *Marginality: Addressing the nexus of poverty, exclusion and ecology*. – 2014. – 388 p.
4. Nasri K. Poverty-alleviation programs in Tunisia: selection processes and targeting performance indicators at the regional level // *International Journal of Social Economics*. – 2022. – Vol. 49(4). – P. 629-650.
5. Gibson J. Poverty Measurement: We Know Less than Policy Makers Realize // *Asia & the Pacific Policy Studies*. – 2016. – Vol. 3(3). – P. 430-442.
6. Koch-Weser M., Guggenheim S. Social Analysis in Project Lending: Writing New Rules and Changing Old Practices // *Social Development in the World Bank*. – Springer, 2021. – 374 p. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57426-0_8.
7. Clasen J., Clegg D. European labour markets and social policy: recent research and future directions // *Social policy in changing European societies*. – 2022. – P. 187-201.
8. Jindra C., Vaz A. Good governance and multidimensional poverty: A comparative analysis of 71 countries // *Governance*. – 2019. – Vol. 32(4). – P. 657-675.
9. Atabayeva A.K., Pritvorova T.P., Petrenko Y.S. Parental employment in families with disabilities: Assessment, factors, solutions // *Bulletin of the Karaganda university*. – 2021. – Vol. 4(104). – P. 62-73.
10. Social'nyj Kodeks RK ot 20 aprelja 2023 goda № 224-VII [Social Code of the Republic of Kazakhstan dated April 20, 2023 No. 224-VII] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> [in Russian].
11. Prikaz Ministra truda i social'noj zashhity naselenija Respubliki Kazahstan ot 26 maja 2023 goda № 181 «Ob utverzhdenii Pravil ischislenija sovokupnogo dohoda lica (sem'i), pretendujushhego na poluchenie gosudarstvennoj adresnoj social'noj pomoshhi» [Order of the Minister of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan. On approval of the Rules for calculating the total income of a person (family) applying for state targeted social assistance: approved. May 26, 2023, No. 181] // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37238354&pos=157;-25#pos=157;-25 [in Russian].
12. Barrientos A. The future of social assistance in developing countries // *Social Assistance in Developing Countries*. – 2013. – Vol. 2(3). – P. 201-223.
13. Schotte S., Zizzamia R., Leibbrandt M. A poverty dynamics approach to social stratification: The South African case // *World Development: the Multi-Disciplinary International Journal Devoted to the Study and Promotion of World Development*. – 2018. – № 110. – P. 88-103.
14. Lustig N., Tommasi M. COVID-19 and social protection of poor and vulnerable groups in Latin America: a conceptual framework // *CEPAL Review*. – 2020. – № 132. – P. 259-270.
15. Mackett O. Social Grants as a Tool for Poverty Reduction in South Africa? A Longitudinal Analysis Using the NIDS Survey // *African Studies Quarterly*. – 2020. – Vol. 19(1). – P. 41-64.

Атабаева А.К., Притворова Т.П.

**ШАРТТЫ ӘЛЕУМЕТТІК КӨМЕКТІҢ АЙМАҚТЫҚ ПРОФИЛІ:
САЛЫСТЫРМАЛЫ ДИНАМИКАЛЫҚ ТАЛДАУ****Аннотация**

Мақалада атаулы әлеуметтік көмектің белсенді құрамдас бөлігі ретінде шартты ақшалай көмектің өңірлік бейіні қарастырылады. Мақаланың мақсаты аймақтық жағдайларды ескере отырып, бағдарламаның әлеуметтік тиімділігін арттыру бойынша ұсыныстар әзірлеу мақсатында орта мерзімді перспективада шартты ақшалай көмек алушылардың әлеуметтік тобының (бұдан әрі – КАЖ) өңірлік бейінін өзгертуді бағалау болып табылады. сипаттамалары. Әдістеме кластерлік талдаумен және құрылымы мен динамикасының экономикалық және статистикалық бағалауымен ұсынылған. Зерттеу нәтижелері шартты ақшалай көмек алушы – отбасы параметрлері бойынша Қарағанды облысының өңірлік бейіндерін көрсетеді. 2019 жылдан 2022 жылға дейінгі кезеңде КАЖ алатын отбасының параметрлерінің өзгеруі көп бағытты, оң балалы болу ықтималдығының 3%-ға артуы болып бағаланады. Теріс жақтары – жұмыссыздар үлесінің артуы және 56% төмен табысы бар жұмыспен қамтылғандардың айтарлықтай үлесінің сақталуы. АӘК бойынша КАЖ алушылардың сипаттамалары бойынша Қарағанды облысының аймақтары азырақ поляризацияланған. Егер 2019 жылы бір отбасының нақты демографиялық және ұйымдық-басқару сипаттамалары аймақ бойынша орташа мәндерге қатысты шағылыстырылған шағын кластерлер болса, 2022 жылы бұл құбылыс өзгерді. Демографиялық және әлеуметтік сипаттамалар бойынша айқын айырмашылық сақталды (яғни кластерлердің шекаралары отбасының орташа мөлшерімен, көп балалы отбасылармен және т.б. ерекшеленеді), ал экономикалық және ұйымдастырушылық-басқару сипаттамалары бойынша әрбір шағын кластер бар. өз профилі. 2022 жылы тәуелділік жүктемесі төмен және жалақысы төмен жұмыс істейтін адамдардың үлесі жоғары кластер үшін отбасының орташа табысын арттыру мақсатында қайта даярлауға және біліктілігін арттыруға назар аударған жөн. Тәуелділік ауыртпалығы жоғары екінші кластер үшін жәрдемақыны балалар мекемесінің субсидияланатын қызметімен ауыстырған жөн. Бұл бюджеттен төленетін төлемдердің көлемін шамалы арттыруы мүмкін, бірақ бұл балалардың өмір сүру мүмкіндіктерін қамтитын және теңестіру шарасы болып табылады.

Atabayeva A., Pritvorova T.

**REGIONAL PROFILE OF CONDITIONAL SOCIAL CARE:
A COMPARATIVE DYNAMIC ANALYSIS****Annotation**

The article examines the regional profile of conditional cash assistance as an active component of targeted social assistance. The purpose of the article is to assess the transformation of the regional profile of the social group of recipients of conditional cash assistance (hereinafter CCT) in the medium term in order to develop proposals for increasing the social effect of the program, taking into account regional characteristics. The methodology is represented by cluster analysis and economic and statistical assessments of the structure and dynamics. The results of the study represent the regional profiles of the Karaganda region based on the parameters of the family - the recipient of conditional cash assistance. Changes in the parameters of a family receiving CCT for the period from 2019 to 2022 are assessed as multidirectional, positive include an increase in the probability of having children by 3%. The negative ones are the increase in the share of the unemployed and the preservation of a significant share of the employed with a low income of 56%. The regions of Karaganda Oblast have become less polarized in terms of the characteristics of CCT recipients under the TSA. If in 2019 there were subclusters in which the specific demographic and organizational and managerial characteristics per family were mirrored relative to the average values for the region, then in 2022 this phenomenon was transformed. In terms of demographic and social characteristics, a clear difference has been preserved (i.e., the boundaries of clusters are distinguished by the average family size, large families, etc.), and in terms of economic and organizational and managerial characteristics, each subcluster has its own profile. In 2022, for a cluster with a low dependency load and a high proportion of people with low-wage jobs, it is advisable to focus on retraining and advanced training in order to increase the average family income. For the second cluster with a high dependency burden, it is advisable to replace the allowance with a subsidized service from a children's institution. This may slightly increase the amount of payments from the budget, but it is a measure of inclusiveness and equalization of life opportunities for children.

